

**ДНЕПРО-ДОНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ КАК ЭТНОКОНТАКТНАЯ ЗОНА:
РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО*****А.И. Папков****A.I. Papkov**Белгородский государственный
национальный исследовательский
университетBelgorod National
Research University

В статье рассматривается процесс расширения государственной территории России в южном направлении, происходивший в XVI в. Анализируются противоречия, возникавшие между Россией, Речью Посполитой и Крымским ханством в результате напряженной конкурентной борьбы за господство в Днепро-Донской лесостепи. Автор приходит к выводу о том, что результатом противоречий и соперничества стало не только закрепление конкретных земель за отдельными государствами, но и получение ценного опыта как межгосударственного взаимодействия, так и пограничного взаимодействия населения, который позволил в дальнейшем найти эффективные механизмы сосуществования подданных России и Речи Посполитой на спорных территориях.

Ключевые слова: Российское царство, Юг России, Днепро-Донская лесостепь, Крымское ханство, Речь Посполитая, порубежье.

**THE DNIETR-DON FOREST STEPPE AS AN ETHNO-CONTACT ZONE:
RUSSIA, THE CRIMEAN KHANATE AND THE POLISH-LITHUANIAN
COMMONWEALTH**

The article deals with the process of Russia's state territory expansion in the XVIth century. The contradictions between Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Crimean Khanate caused by tense fight for domination in the Dnepr-Don forest-steppe are analyzed. The author comes to conclusion that the contradictions and competitions resulted not only in attaining certain territories by the countries in question, but also in their gaining valuable experience of both inter-state and borderland population interaction which then paved the way for effective mechanisms of co-existence of Russia's and the Commonwealth's subjects on the contested territories.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0457.

Keywords: Russian Tsarstvo, South of Russia, Dnepr-Don forest-steppe, Crimean Khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth, frontier.

e-mail: papkov[at]bsu.edu.ru

С присоединением Рязани в 1521 г. завершается процесс образования единого Российского государства, и наступает новый этап в его развитии. Территория образовавшегося государства стала непосредственно соприкасаться со слабозаселенными степными пространствами. После присоединения к Москве всей Рязанской земли замкнулась Окская оборонительная линия, и князь всея Руси получил полную возможность по собственной инициативе и усмотрению организовывать и вести оборону южной окраины своего государства¹. В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Распространение владений России на протяжении XVI в. и последующих столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших – было южное. Здесь, в силу географических особенностей региона (лесостепь и степь), граница России была неустойчивой в отличие, к примеру, от западных рубежей страны, где прочности обороны способствовало наличие естественных преград: рек, озер, болот и лесов.

Для облегчения восприятия излагаемого материала следует сделать несколько замечаний относительно терминологии, используемой в статье. Изучаемая территория – лесостепные пространства, граничившие с землями Речи Посполитой, на которых проживало восточнославянское население, в российских документах конца XVI – первой половины XVII вв. именовалась «Подем» или «Польской украиной». Русские источники прочно закрепили наименование «Поле» за степными пространствами, располагавшимися между ордынскими владениями и русскими землями². В литературе достаточно убедительно показана не-

---

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века [Liubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii s drevneishikh времен i do XX veka]. М., 1996. С. 252.

² См.: Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белоруссов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси [Khoroshkevich A.L. Kulikovskaia bitva i stanovlenie natsional'nogo samosoznaniia russkikh, ukrainsev i belorussov // Dmitrii Donskoi i epokha vrozozhdeniia Rusi]. Тула, 2001. С. 63 (прим. 3).

правомерность употребления словосочетания «Дикое поле» по отношению к рассматриваемому региону³. «Диким полем» в XVI–XVII вв. обозначалась нераспаханная земля, целина, где бы она ни находилась. С легкой руки Конрада Буссова, немецкого очевидца событий Смутного времени, этот термин («*wilde Feld*») стал использоваться историками как географический⁴. Соответственно, города, возникшие в Днепро-Донской лесостепи, в российских документах именовались «польскими городами» или «городами на Поле», в отличие от северских, украинских и рязанских, которые обобщенно назывались «городами от Поля». Во главе городов стояли воеводы, обладавшие всей полнотой военной и административной власти. Им приходилось часто вступать в контакт с администрацией южных территорий Речи Посполитой. «Староста» возглавлял польскую администрацию в территориальном округе, осуществляя управление при помощи «урядников». Урядникам подчинялись чиновники, распоряжавшиеся отдельными городами с прилегающей округой, – «державцы».

Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставались российские «сторожи» – наблюдательные пункты, на которых обычно находилось от двух до шести служилых людей. Одновременно в степь направлялись «станицы» – небольшие конные воинские отряды из 10–20 чел., патрулировавшие приграничную территорию.

Особо следует остановиться на вопросах использования понятий «Украина» и «украинцы». Связано это с тем, что проблема происхождения украинцев (в современном понимании этого слова), в силу воздействия различных идеологических клише, чрезвычайно запутана, и степень ее разработки далека от завершения⁵. Длительное время в российской историографии господствовало представление, согласно которому в конце XIV в. украинский народ уже вполне сформировался⁶. Порой образование украинской народности датируется XVI – первой половиной XVII вв., при этом отмечается, что название «Украина» для

³ См.: Загоровский В.П. Некоторые вопросы ранней народной колонизации польской окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1698 г. [Zagorovskii V.P. Nekotorye voprosy rannei narodnoi kolonizatsii pol'skoi okrainy Rossii // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy za 1698 g.]. Л., 1972. С. 37, 38 и др. работы этого автора.

⁴ См.: Буссов К. Московская хроника. М.; Л., 1961. С. 94 («*Chronicon Moscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium quos sol post natos homines vidit immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584–1612*»).

⁵ Подробнее см.: Восточные славяне в XVII–XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие [Vostochnye slaviane v XVII–XVIII vekakh: etnicheskoe razvitie i kul'turnoe vzaimodeistvie] // Славяноведение [Slavianovedenie]. 2002. № 2. С. 3–35; Sysyn F.E. Concept of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620–1690 // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, 1986. Vol. X. P. 393–423 (далее – HUS).

⁶ См.: Мавродин В.В. Происхождение русского народа [Mavrodin V.V. Proiskhozhdenie russkogo naroda]. Л., 1978. С. 146; Народы мира: историко-этнографический справочник [Narody mira: istoriko-etnograficheskii spravochnik]. М., 1988. С. 472.

обозначения этнической территории начинает употребляться с конца XVI в.⁷ Указывается на сложность этнической истории украинцев, которая проявилась в многообразии их самоназваний (этнонимов) и названий края. В научной литературе выделяют два основных мнения по поводу происхождения украинского народа. Первое связано с так называемой «теорией непрерывного развития народов». По этой теории, прямыми предками украинцев было обитавшее на территории современной Украины неолитическое население. Последнее эволюционировало сначала в неуров, затем – в антов, далее – в русов периода Киевской Руси и, наконец, в украинцев. Второе мнение – так называемая «академическая точка зрения». Согласно ей, формирование украинцев началось в период феодальной раздробленности Древнерусского государства (XII–XIII вв.), а завершилось в XIV–XV вв. Обе точки зрения неоспорны, но в пользу второй свидетельствует термин «Украина», встречающийся в Ипатьевской летописи под 1187 г.⁸

Б.Н. Флоря отметил, что с конца XIV в. можно говорить о разных исторических судьбах восточного славянства в рамках новых многоэтнических государств: Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и формирующегося Русского государства, с другой. Он выделил последнюю четверть XIV в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории этого государства⁹. Затем исследователь констатировал: «...процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI – первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения, представление о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности, продолжали занимать значительное место»¹⁰. В дальнейшем Б.Н. Флоря еще более определенно охарактеризовал процесс этнического развития восточного славянства в XV–XVII вв.: «Очевидно, что с конца XIV в. пути исторического развития двух частей восточных славян разошлись. Те из них, которые оказались в составе Великого княжества Литовского и Польши, пошли по одному пути, а путь восточных славян, объединив-

⁷ Українська народність: нариси соціально-економічної і етно-політичної історії [Ukrains'ka narodnist': narysy social'no-ekonomychnoji y etno-politychnoi istorii]. Київ, 1990. С. 44, 45.

⁸ Украинцы [Ukraintsy]. М., 2000. С. 5-19.

⁹ Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений [Floria B.N. O nekotorykh osobennostiakh razvitiia etnicheskogo samosoznaniia vostochnykh slavian v epokhu Srednevekov'ia – rannego Novogo vremeni // Rossiia – Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii]. М., 1997. С. 12-16. См. также: Его же. Некоторые соображения о этническом самосознании предков современных белорусов // Русь – Литва – Беларусь [Idem. Nekotorye soobrazheniia o etnicheskom samosoznaniu predkov sovremennykh belorusov // Rus' – Litva – Belarus']. М., 1997. С. 92-94.

¹⁰ Его же. О некоторых особенностях [Idem. O nekotorykh osobennostiakh]... С. 19.

шихся в рамках Русского государства, был иным. Хотя сохранялось много общего в исторических традициях, верованиях, обычаях, вместе с тем одновременно на протяжении XV–XVI вв. постепенно нарастала большая сумма сначала социальных, а затем и культурных отличий. Как мне представляется, объективным итогом этого стало то, что где-то к XVII в. по обе стороны границы стали воспринимать другую часть восточных славян как близкий, родственный, но все-таки иной, особенный, народ»¹¹.

В первой половине XVII в. православное население Польши именovalo себя «русским», а слово «украинец» означало жителя окраины, но русские, жившие в России (в том числе и на южной ее окраине), четко отделялись от русских Польши и именовались «российскими»¹². Существует и иная точка зрения. Согласно ей, самоназвание «украинец» в XV–XVI вв. использовалось наряду с древнерусскими – «руськи» и «русские»¹³. Между тем, зачастую трудно точно определить, что скрывается за первым термином.

Следует отметить, что в отечественной исторической литературе прочно утвердился термин «Украина» (для обозначения Левобережья Днепра) и «украинцы» (по отношению к населению этих территорий в XVI–XVII вв.)¹⁴. В официальных документах Речи Посполитой употреблялось словосочетание «украинское пограничье» (например, в указе Сигизмунда III 1590 г.)¹⁵. В географическом значении употребляет тер-

¹¹ Восточные славяне [Vostochnye slaviane]... С. 8-9.

¹² См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории [Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii: Ocherki etnicheskoi istorii]. М., 1992. С. 244 (примеч.); Русина О.В. Україна під татарами і Литвою [Rusyna O.V. Ukraïna pid tataramy i lytvoju]. Київ, 1998. С. 276, 277.

¹³ Украинцы [Ukraintsy]... С. 20.

¹⁴ См. например: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии [Tikhomirov M.N. Rossiia v XVI stoletii]. М., 1962. С. 418-419; Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков [Alekblerli M.A. Bor'ba ukrainskogo naroda protiv turetsko-tatarskoi agressii vo vtoroi polovine XVI – pervoi polovine XVII vekov]. Саратов, 1961. С. 37; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени [Zimin A.A. Rossiia na poroge novogo vremeni]. М., 1972. С. 164, 311; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. [Floria B.N. Russko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII v.] М., 1978. С. 17 и последующие; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства [Pashuto V.T., Floria B.N., Khoroshkevich A.L. Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sud'by vostochnogo slavianstva]. М., 1982. С. 66, 229; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. [Stanislavskii A.L. Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v.] М., 1990. С. 7, 8; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах [Pokhlebkina V.V. Vneshniaia politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh i faktakh]. М., 1992. Вып. 1. С. 183; Его же. Внешняя [Idem. Vneshniaia]... М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 392; С. 439-446; История внешней политики России. Конец XV–XVII века [Istoriia vneshnei politiki Rossii. Konets XV–XVII veka]. М., 1999. С. 230, 277-298.

¹⁵ См.: Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши [Kulich P.A. Otpadenie Malorossii ot Pol'shi]. Т. I. // ЧОИДР. 1888. № 2. Отд. III. С. 52, 53.

мин «Украина» в своей работе, напечатанной в Париже в 1651 г., Г. Боплан, французский инженер, служивший в Речи Посполитой¹⁶. Также необходимо помнить о неправомерности применения макротопонимов «Малороссия» и «Малая Русь» по отношению к территории современной Украины в XVI–XVII вв.¹⁷ Появление термина «Малая Русь» в литературных сочинениях конца XVI в. и в сфере церковных отношений не является достаточным основанием для использования его при обозначении этнической территории украинцев¹⁸. Думается, что данные наименования можно употреблять только с середины XVII в. В это время словосочетание «Малая Русь» было включению в титул царя Алексея Михайловича и вошло в официальный язык. Примечательно, что с таким подходом к терминологии согласны авторы обобщающих работ¹⁹ и иностранные исследователи²⁰. Эти и другие факты дали основание для продолжения использования современными учеными терминов «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья и «украинцы» – по отношению к славянскому населению этой территории²¹.

¹⁶ Боплан Г. Описание Украины [Boplan G. Opisanie Ukrainy]. СПб., 1832. Последнее украинское издание: Боплан Г.А. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн [Boplan G.L. de. Orys Ukraïny, kil'koh provincij Korolivstva Pol'skogo, shho tjagnut'sja vid kordoniv Moskovii do granyc' Transil'vanii, razom z ihnimy zvychajamy, sposobom zhyttja i vedennja vojen]. Київ, 1990. Факсимильное воспроизведение французского издания 1660 г.: Боплан Г.А. де. Описание Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн [Boplan G.L. de. Opisanie Ukrainy, neskol'kikh provintsij korolevstva Pol'skogo, kotorye tianutsia ot granits Moskovii do granits Transil'vanii, vmeste s ikh obyčajami, sposobom zhizni i vedeniia vojn]. Киев, 1990; последнее российское издание: Боплан Г.А. Описание Украины [Boplan G.L. Opisanie Ukrainy]. М., 2004.

¹⁷ Русина О.В. Указ. соч. [Rusyna O.V. Op. cit.] С. 276.

¹⁸ См.: Флоря Б.Н. О некоторых [Floria B.N. O nekotorykh]... С. 16, 17.

¹⁹ Украинцы [Ukraintsy]... С. 19.

²⁰ См. например: Bushkovitch P. The Formation of f National Consciousness in Early Modern Russia // HUS. 1986. Vol. X. P. 356; Sysyn F.E. Between Poland and the Ukraine. Cambridge, 1985. P. XIII; 20–31; 136; Idem. Recent Western Works on the Ukrainian Cossacks // Slavonic and East European Review. London, 1986. Vol. 64. N. 1. P. 101, 102; P. 105.

²¹ См.: Заборовский Л.В. Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия – Украина: история взаимоотношений [Zaborovskii L.V. Pereiaslavskaia rada i moskovskie soglasheniia 1654 goda: problemy issledovaniia // Rossiia – Ukraina: istoriia vzaimootnoshenii]. М., 1997. С. 43; Яковлева Т.Г. Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // Там же [Iakovleva T.G. Genezis gosudarstvennoi idei v Ukraine na primere dogovorov s Pol'shei i Rossiei // Ibid.]. С. 51; Санин Г.А. Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Там же [Sanin G.A. Antiosmanskie voyny v 70–90-e gody XVII veka i gosudarstvennost' Ukrainy v sostave Rossii i Rechi Pospolitoi // Ibid.]. С. 61; Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Там же [Kappeler A. Mazepintsy, malorossy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoi ierarkhii Rossiiskoi imperii // Ibid.]. С. 126; Скрынников Р.Г. История Российской. IX–XVII вв. [Skrynnikov R.G. Istoriia Rossiiskaia. IX–XVII vv.]. М., 1997. С. 443; Солодкин Я.Г. Украинцы в Сибири конца XVI – начала XVII вв. // Социокультурная ди-

При этом, признавая необходимость упорядочения понятийного аппарата и отсутствие в исторических источниках соответствующих терминов, специалисты, обсуждая вопросы развития восточных славян в XVII в., вынуждены использовать понятия «украинцы», «украинско-белорусское влияние» и т.п.²²

М.К. Любавский обратил внимание на изменение содержания термина «Украина» («Украйна») в XVI–XVII вв. Изначально «Украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России, и в 1635 г. образованное Черниговское воеводство²³. Исходя из вышеизложенного, представляется допустимым использование термина «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья XVI–XVII вв.

Жители украинских земель Речи Посполитой в российских источниках конца XVI – первой половины XVII вв. именовались «черкасами» или «людьми литовскими». В одних документах эти термины употреблялись как синонимы, в других они несли разную смысловую нагрузку. В последнем случае «черкасами» называли украинских казаков, а «людьми литовскими» – всех жителей Левобережной Украины, входившей долгое время в состав Великого княжества Литовского. Нередко запорожцев выделяли из всего украинского казачества, называя «запорожскими черкасами». Появление термина «черкасы» связано с г. Черкасы, который стал во второй половине XVI в. центром украинского казачества. Следует обратить внимание на эволюцию этого термина. Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. Последнее замечание, по крайней мере, справедливо в отношении изучаемой пограничной территории вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев первой половины XVII столетия записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. — как «подданные малороссияне». Вероятно, существует определенная связь между встречающейся в источниках терминологией и заинтересованностью государства в заселении порубежья не столько крестьянами, сколько военно-

намика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века [Solodkin Ia.G. Ukraintsy v Sibiri kontsa XVI – nachala XVII vv. // Sotsiokul'turnaia dinamika Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga segodnia i v perspektive XXI veka]. Сургут, 1999. С. 37–41; Смолій В.А., Степанов В.С. Українська національна революція XVII ст. [Smolij V.A., Stepanov V.S. Ukrai'ns'ka nacional'na revoljucija XVII st.]. Київ, 1999. С. 41–61.

²² См.: Восточные славяне [Vostochnye slaviane]... С. 13–17.

²³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации [Liubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii]... С. 335.

служилыми людьми. Черкасы, не приносившие присяги русскому царю и занимавшиеся разбоем на Поле, обычно назывались «воровскими».

Б.Н. Флоря отметил, что в московских источниках первой половины XVII в. восточнославянское население Речи Посполитой обозначалось как «черкасы» и «белорусцы»²⁴. Наблюдения над источниками позволяют предположить, что последний термин использовался гораздо реже и, как правило, в конфессиональном контексте. Обычно так называли православных священников, прибывавших из Речи Посполитой, православных подданных Польской короны, противопоставляя их католикам или униатам, а также православным, жившим в России. «Белорусцев», принявших российское подданство, полагалось «для исправления веры» помещать «под начала» в российские монастыри наряду с выходцами из татарского плена и иноверцами, готовящимися к принятию православия. Поэтому уместно будет использовать для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой термин, закрепившийся в официальных российских документах и ставший самоназванием переселенцев из Украины в Россию — «черкасы».

Положение на приграничных российских территориях осложнялось постоянной борьбой с агрессивными соседями: Крымским ханством, а в дальнейшем и с Речью Посполитой²⁵. На протяжении длительного времени степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды. Они совершали набеги на славянские земли, грабили их и уводили население в рабство. Но проблемы, связанные с южнорусскими степями, этим не исчерпывались. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства.

О важности данной проблемы свидетельствует тот факт, что в различном контексте ее затрагивали видные историки. М.К. Любавский в своей работе по истории русской колонизации выделил раздел «Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение черноземных степей»²⁶. Он обратил внимание на столкновение русских колонистов с крымскими татарами, отметив переселение украинцев на южную окраину России, детально не анализируя прете-

---

²⁴ Флоря Б.Н. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе Народно-освободительной войны [Floria B.N. Otnoshenie ukrainskogo kazachestva k Rechi Pospolitoi vo vremia kazatskikh vosstanii 20–30-kh godov XVII veka i na nachal'nom etape Narodno-osvoboditel'noi voiny] // Славяноведение [Slavianovedenie]. 2002. № 2. С. 38.

²⁵ Данное обстоятельство уже отмечено исследователями. См. например: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) [Vodarskii Ia.E. Naselenie Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX v.)]. М., 1973. С. 22, 23.

²⁶ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации [Liubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii]... С. 285–311.

кание последнего процесса²⁷. С.Ф. Платонов, описывая области Российского государства накануне Смутного времени, дал географическую характеристику Поля, отметив преобладание правительственной колонизации верховьев Сейма, Северского Донца и Оскола над народной в конце XVI в.²⁸

Первая специальная работа, посвященная Днепро-Донской лесостепи в XVI в., принадлежит И.Д. Беляеву²⁹. Много сделали для изучения рассматриваемого региона украинские историки конца XIX в. Д.И. Багалеи и И.Н. Миклашевский³⁰, посвятившие свои работы, преимущественно, хозяйственным аспектам освоения Поля в XVII в. Причем первый исследователь в своих статьях сформулировал положение о столкновении двух колонизационных потоков – «великорусского» и «малорусского». По словам автора, он рассматривал их по отдельности и не сопоставлял³¹.

Традиция изучения истории данного региона через призму его хозяйственного освоения, происходившего на фоне постоянной борьбы с крымскими татарами, была продолжена советскими учеными³². Фундаментальный труд, связанный с историей южного порубежья, был написан А.А. Новосельским³³.

²⁷ См.: Любавский М.К. Наступление на степь [Liubavskii M.K. Nastuplenie na step']. М., 1918. С. 10–19.

²⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. [Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.] М., 1994. С. 55–62.

²⁹ Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича [Beliaev I.D. O storozhevoi, stanichnoi i polevoi sluzhbe na Pol'skoi ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsaria Alekseia Mikhailovicha]. М., 1846.

³⁰ См.: Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства [Bagalei D.I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva]. М., 1887; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства [Miklashevskii I.N. K istorii khoziaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva]. М., 1894. Ч. I.

³¹ См.: Багалеи Д.И. К истории заселения степной окраины Московского государства [Bagalei D.I. K istorii zaseleniia stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva] // Журнал Министерства народного просвещения [Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia]. 1886. № 5. С. 87–104; № 6. С. 250–287; Он же. Несколько слов о характере колонизации южной степной окраины Московского государства // Очерки русской истории [Idem. Neskol'ko slov o kharaktere kolonizatsii iuzhnoi stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva] // Ocherki russkoi istorii]. Харьков, 1913. Т. 2. С. 231–254.

³² См.: Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII вв. [Protorchina V.M. Zaselenie stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII vv.]: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1948; Загородский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке [Zagorovskii V.P. Istoriia vkhozhdeniia Tsentral'nogo Chernozem'ia v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke]. Воронеж, 1991.

³³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. [Novosel'skii A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII v.]. М.; Л., 1948.

В работах, посвященных международным отношениям, исследованию проблемы взаимодействия России, Речи Посполитой и Крымского ханства в Днепро-Донской лесостепи внимания почти не уделяется³⁴. Имеются также работы, посвященные проблемам адаптации выходцев из России в Речи Посполитой, но в них рассматривается преимущественно жизнь представителей элиты и не отражаются проблемы окраинных земель³⁵.

Таким образом, комплекс проблем, связанных с Днепро-Донской лесостепью, является недостаточно изученным. Между тем, сохранившаяся дипломатическая переписка и другие материалы российского приказного делопроизводства позволяют проанализировать проблемы международных отношений, связанных с территорией Поля во второй половине XVI в. Более того, с учетом достижений современной исторической науки, плодотворным представляется изучение Днепро-Донской лесостепи как этноконтактной зоны. В научной литературе отмечалось наличие дискуссионного, но мало обсуждаемого вопроса о так называемой «Большой границе» – границе между двумя группами (европейской и неевропейской) человеческих цивилизаций³⁶. Применительно к рассматриваемой территории под «Большой границей» обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и, сначала языческим, а потом мусульманским, Востоком. Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого выше региона³⁷. Южную окраину России XVI в. вполне можно охарактеризовать как зону особых социальных условий, порубежье, на котором происходят этническая и социальная интеграция, что соответствует понятию «фронтир»³⁸, введенному в оборот Ф. Дж. Тернером и уже достаточно

³⁴ См. например: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. [Floria B.N. Russko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI – nachale XVII vv.] М., 1978; Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. [Zaborovskii L.V. Rossiia, Rech' Pospolitaia i Shvetsiia v seredine XVII v.]. М., 1981 и др.

³⁵ См. например: Ерусалимский К.Ю. Польско-литовские московиты второй половины XVI – начала XVII в.: социальный состав, культурные ориентиры, пути интеграции // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления [Erusalimskii K.Iu. Pol'sko-litovskie moskovity vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v.: sotsial'nyi sostav, kul'turnye orientiry, puti integratsii // Etnokul'turnaia identichnost' narodov Ukrainy, Belorussii i Pol'shi: Mekhanizmy formirovaniia i sposoby proiavleniia]. М., 2011. С. 7–54.

³⁶ См.: Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР [Dashkevich Ia.R. Bol'shaia granitsa Ukrainy // Etnokontaktnye zony v Evropeiskoi chasti SSSR]. М., 1989. С. 7–21.

³⁷ Там же [Ibid.]. С. 10.

³⁸ См.: Воробьева Т.Д. История Камчатки с позиции методологии фронта // Пятые международные исторические и Свято-Инокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)»: материалы [Vorob'eva T.D. Istoriia Kamchatki s pozitsii metodologii frontira // Piatye mezh-dunarodnye istoricheskie i Sviato-Innokent'evskie chteniia «K 270-letiiu vykhoda Rossii k beregam Ameriki

активно используемому не только в зарубежной, но и в российской историографии³⁹. Легко заметить, что наибольшее развитие в отечественной историографии концепция фронта получила применительно к изучению процесса освоения Сибири, вместе с тем, ситуация «подвижной границы» была характерна и для других направлений расширения государственной территории России, в том числе и для южного в XVI–XVII столетиях⁴⁰. Показательными являются труды профессора Иезуитского университета в Чикаго Михаила Ходарковского, в которых он изучает вопросы взаимодействия Руси со Степью, но делает это на основе рассмотрения юго-восточного порубежья, т.е. рассматривает взаимодействие Российского государства с Золотой Ордой и татарскими государствами, возникшими после ее распада⁴¹.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время происходит переосмысление места порубежных пространств в жизни общества отдельных стран и регионов с уходом от интерпретаций их как периферийных, окраинных, несущественных. Обращается внимание на зна-

i nachala osvoeniia Tikhogo okeana (1741–2011)»: materialy]. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 102.

³⁹ См., например: Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах [Zamiatina N.Iu. Zona osvoeniia (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh] // Общественные науки и современность [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1998. № 5. С. 75–88; Ageev A.D. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров [Ageev A.D. Sibir' i amerikanskii Zapad: dvizhenie frontirov]. М., 2005; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное [Rezun D.Ia., Lamin V.A., Mamsik T.S. Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe]. Новосибирск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Rezun D.Ia., Shilovskii M.V. Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov]. Новосибирск, 2005; Побережников И.В. Канадский и российский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) [Poberezhnikov I.V. Kanadskii i rossiiskii frontir: obshchee i osobennoe (XVI – nachalo XX v.)] // Уральский исторический вестник [Ural'skii istoricheskii vestnik]. 2009. № 2. С. 25–30; Его же. Азиатская Россия: фронт, модернизация [Idem. Aziatskaia Rossiia: frontir, modernizatsiia] // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки [Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki]. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–203.

⁴⁰ См., например: Shaw D.J.B. Southern Frontier of Moscow 1550–1770 // Studies in Russian Historical Geography. London; New York. 1983. Vol. 1. P. 117–142; Мизис Ю.А., Кашченко С.Г. Проблема формирования русского фронта на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии [Mizis Iu.A., Kashchenko S.G. Problema formirovaniu russkogo frontira na luge Rossii v XVI – pervoi polovine XVIII v. v otechestvennoi istoriografii] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 2: Istorii]. 2011. № 1. С. 9–16; Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Фронт и фрактал: подходы к компьютерному моделированию динамики российского фронта [Zhukov D.S., Kanishchev V.V., Lamin S.K. Frontir i fraktal: podkhody k komp'iuternomu modelirovaniu dinamiki rossiiskogo frontira] // Fractal Simulation. 2012. № 2. С. 26–35.

⁴¹ Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis, 2002; Idem. Taming the «Wild Steppe»: Muscovy's Southern Frontier, 1480–1600 // Russian History / Histoire Russe. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241–297.

чительный потенциал пограничий (культурный, экономический, политический), на их функциональную особенность выступать в качестве интегрирующего начала, поля широкого взаимодействия, которое способствует развитию территорий, в том числе удаленных от границы. При этом исследования приграничных территорий все чаще не ограничиваются относительно узкой полосой по обе стороны границы (государственной, административной). Более продуктивным считается рассмотрение достаточно обширных пространств, которые корректнее называть порубежными. «Граница» рассматривается как широкая переходная зона, к которой применим термин физической географии «экотон»⁴². Тем не менее, можно заметить, что при всей продуктивности указанного подхода ощущается недостаточная проработанность вопросов истории складывания этноконтактных, порубежных зон⁴³.

Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси⁴⁴, а начиная с 1507 г., владения князя всея Руси стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар. В Днепро-Донской лесостепи пролегали татарские дороги (сакмы или шляхи), огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам. Дело в том, что на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля здесь высыхала скорее, и быстрее появлялась трава, необходимая для татарских лошадей. В XVI столетии интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь XVI в. прошел под «знаменем» освоением русским земледельческим

⁴² См.: Крылов М.П., Гриценко А.А. Российская этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации [Krylov M.P., Gritsenko A.A. Rossiiskaia etnokul'turnaia identichnost' v rossiisko-ukrainskom i rossiisko-belorusskom porubezh'e: istoricheskaja pamiat' i kul'turnye transformatsii] // Лабиринт [Labirint]. 2012. № 2. С. 28.

⁴³ См.: Проблемы общественной географии. Приграничные территории: методологические подходы и опыт исследований: сборник научных трудов / под общей ред. Г. П. Подгрушного [Problemy obshchestvennoi geografii. Prigranichnye territorii: metodologicheskie podkhody i opyt issledovani: Sbornik nauchnykh trudov / pod obshchei red. G. P. Podgrushnogo]. Киев, 2010. Вып. 2; Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье [Gritsenko A.A. Vliianie politicheskikh i landshaftnykh granits na regional'nuiu identichnost' v rossiisko-ukrainskom porubezh'e]: дис. ... на соиск. ученой степени канд. геогр. наук. М., 2010.

⁴⁴ В результате первой русско-литовской войны XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси. В том числе и города с прилегающей округой, находившиеся в рассматриваемом регионе, а именно: Чернигов, Путивль, Рыльск и Новгород-Северский. Попытка Великого княжества Литовского вернуть утраченное в 1507–1508 гг. не увенчалась успехом, и по условиям «вечного мира», подписанного 8 октября 1508 г., Литва признала все завоевания Ивана III. Не изменилась ситуация и после третьей (1512–1522 гг.) и четвертой (1534–1537 гг.) русско-литовских войн XVI в. (См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. М., 1995. Вып. 2. Кн. 1. С. 363–379; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 18).

населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на собственные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия⁴⁵. Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто⁴⁶. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы. Грунт лесной полосы отличается маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха⁴⁷. Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI – первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации

⁴⁵ О домонгольских поселениях в Днепро-Донской лесостепи см., например: Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура» [D'iachenko A.G. Drevnerusskii gorod na r. Koren' // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Iug Rossii v proshlom i nastoiashchem: istoriia, ekonomika, kul'tura»]. Белгород, 1998. С. 19–22; Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография [Vinnikov A.Z., Kudriavtseva E.Iu. Gorodishche Kholki na iugo-vostochnoi okraine Drevnerusskogo gosudarstva // Voprosy istorii slavian. Arkheologiya. Etnografiia]. Воронеж, 1998. Вып. 12. С. 50–71; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII–XV вв. [Tropin N.A. Eletskaia zemlia v XII–XV vv.]. Елец, 1999. С. 54–88.

⁴⁶ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. [Novosel'skii A.A. Op. cit.]. С. 41. Изначально крымско-русские отношения строились как равноправные. Однако вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств – прежних данников Крыма – возложило на князя всея Руси обязанность выплаты «взимков» с этих территорий в пользу Крымского ханства. Вместе с тем, довольно быстро сами крымцы начинают отказываться от употребления терминологии, выражающей данническую зависимость Руси (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений [Khoroshkevich A.L. Rus' i Krym posle padeniia ordynskogo iga: dinamika tributarnykh otnoshenii] // Отечественная история [Otechestvennaia istoriia]. 1999. № 2. С. 69–77; Её же. Русь и Крым: От союза к противостоянию [Idem. Rus' i Krym: Ot soiuza k protivostoianiiu]. М., 2001. С. 225–271).

⁴⁷ См.: Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы [Krasnov Iu.A. Drevnie i srednevekovye pakhotnye orudiia Vostochnoi Evropy]. М., 1987. С. 195.

южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее. Вместе с тем, судя по описаниям иностранцев, уже в XVI в. имелось четкое представление о значительно более высоком по сравнению с центром России плодородии почвы в Рязанском крае⁴⁸.

Днепро-Донская лесостепь оказалась зоной пересечения интересов трех держав: России, Речи Посполитой и Крымского ханства. Россия стремилась к колонизации этих территорий, т.к. это обеспечивало ей определенные преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми позволяло организовать новую линию обороны на пути татарских набегов. Во-вторых, любое продвижение на юго-запад было выгодно России, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению на восток. А Польское королевство и Великое княжество Литовское являлись традиционными и давними противниками России. Высшей точкой территориального расширения и укрепления могущества западных противников России в степном регионе явилось заключение в 1569 г. в Люблине унии между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским и создание Речи Посполитой⁴⁹. Кроме того, начиная с Василия III, московские государи претендовали на часть земель, в то время принадлежавших Польше.

Со своей стороны Речь Посполитая всячески пыталась помешать усилению России. Между двумя странами не было значительных естественных рубежей, поэтому они постоянно противоборствовали. Характерно, что оба государства свои территориальные претензии обосновывали с исторически-правовой точки зрения. Но реального значения юридические доказательства не имели. На первый план вышел другой фактор – колонизация. Тот, кто раньше успевал освоить спорные земли в военном и хозяйственном отношениях, утвердиться на них, тот и выигрывал территориальный спор. Примечательно, что заселение южных окраин России и Речи Посполитой началось практически одновременно в последние десятилетия XVI в.⁵⁰

Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Постоянно они здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий. В силу этого стремились не допустить колонизации Поля дру-

⁴⁸ См. об этом: Соловьев С.М. Сочинения [Solov'ev S.M. Sochineniia]. М., 1993. Т. V. С. 361.

⁴⁹ Фалькович С.М. Исторические судьбы польского народа как фактор формирования национального самосознания и национального стереотипа поляков // Этнокультурная идентичность [Fal'kovich S.M. Istoricheskie sud'by pol'skogo naroda kak faktor formirovaniia na-tcional'nogo samosoznaniia i natsional'nogo stereotipa poliakov // Etnokul'turnaia identichnost']... С. 156.

⁵⁰ См.: Падалка Л.В. Прошлое полтавской территории и ее заселение [Padalka L.V. Proshloe poltavskoi territorii i ee zaselenie]. Полтава, 1914. С. 53.

гими странами. Эта территория в конце XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым. В случае похода русских войск на Крым им длительное время приходилось продвигаться по безводной степи, имея громоздкие обозы. Хан же имел возможность собрать силы и постоянными нападениями небольших отрядов изнурять противника. Буферная зона являлась удобным местом для концентрации татар перед набегами и давала степнякам возможность уйти от погони.

Нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея через Поле на Москву в 1521 г. ясно показало необходимость пересмотра российской политики на южном направлении. В следующее десятилетие правительство Василия III продолжило совершенствование оборонительной системы на южной окраине страны, впрочем, не пытаясь организовать защитные мероприятия непосредственно на путях татарских набегов, на Поле. В 30–40-х гг. XVI в. достаточно четко выделяются две пограничные линии на Юге России. Главная – береговая, шедшая по р. Оке. Южнее располагалась линия от Поля, опорой ее постепенно становилась Тула. В нее входили города: Одоев, Белев, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее – Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск. В эту линию часто включали и город Рязань (Переяславль-Рязанский), который был выдвинут далеко вперед от основной береговой (по Оке) линии. К середине XVI в. линия «от Поля» получила название линии «от Крымской уkraine». Обе линии выполняли общую задачу. Анализ записей разрядных книг позволил В.И. Буганову заключить, что в Москве службу «по берегу» и службу «от Поля» воспринимали как нечто единое, цельное⁵¹. Были построены каменные крепости в Зарайске и Коломне. После опустошительных нападений крымцев на рязанские земли в 1533 и 1535 гг. было принято решение о восстановлении г. Пронска для укрепления подходов с юга к Переяславу-Рязанскому⁵².

Летом 1541 г. начинается история российской государственной разведки на Поле. По распоряжению руководителя русского правительства кн. И.Ф. Бельского для осмотра татарских дорог была направлена станица Гаврилы Толмача. Однако после отражения очередного татарского нашествия российская активность в Днепро-Донской лесостепи затухла. Между 1541 и 1546 гг. крымские татары совершили несколько нападений на российскую окраину⁵³. Уже к середине XVI в. российское правительство достаточно ясно осознало всю невыгодность

⁵¹ См.: Буганов В.И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории [Buganov V.I. Razriadnye knigi kak istochnik po istorii pogranichnoi oborony Russkogo gosudarstva kontsa XV – pervoi treti XVII v. // Istochnikovedenie otechestvennoi istorii]. М., 1980. С. 208–209.

⁵² Загоровский В.П. История вхождения [Zagorovskii V.P. Istoriia vkhozhdeniia]... С. 76–79.

⁵³ См.: Там же [Ibid.]. С. 81–84.

для себя сложившейся в этом регионе геополитической ситуации. Поэтому Россия активизировала свою политику на южном направлении после завоевания Казани в 1552 г. С этого времени началось последовательное строительство русских крепостей на окраине, к которой примыкало Поле. В результате сооружения «городов от Польской уkraine» – Михайлова, Шацка, Дедилова, Болхова, Рязска, Новосили, Орла, Епифани, Данкова и др. – Российское царство вступило в непосредственную борьбу с Крымом за обладание Полем в 1555 г., когда по решению царя и боярской думы в пределы Крымского ханства был направлен 13-тысячный отряд И.В. Большого Шереметева. Тактические цели похода не были реализованы в связи с начавшимся в это же время нашествием крымцев на Москву, завершившимся битвой под Судьбищами 3 июля 1555 г. Тем не менее, стратегическая задача – демонстрация возросшей силы Российского государства – была достигнута⁵⁴. В 1557 г. помимо традиционного сбора полков дворянской конницы у Оки был осуществлен выход воевод со служилыми людьми украинских российских городов глубоко в Днепро-Донскую лесостепь – к рекам Быстрой Сосне и Сейму. Таким образом на территории Поля создавалась временная передовая линия обороны. Показательно, что в дальнейшем, как метко подметил В.П. Загоровский, пункты расположения в 1557 г. русских войск на Поле стали местами трех новых российских городов⁵⁵ (Ливен, Ельца и Курска). Тем не менее, выход российских вооруженных сил к Быстрой Сосне и Сейму не привел к немедленному закреплению этой части Днепро-Донской лесостепи за Российским царством, а само расположение русских полков на южном направлении не отличалось постоянством и единообразием.

Вероятно, правительство Ивана IV попыталось добиться серьезного успеха в борьбе с татарами в 1559 г. В этом году российскими отрядами И.М. Вешнякова и Д.Ф. Адашева были нанесены удары по Крымскому ханству со стороны низовьев Дона и Днепра. Однако в данной операции были задействованы незначительные силы, и она оказалась малоэффективной. В дальнейшем (1560–1562 гг.) российский внешнеполитический курс постепенно изменился: западное направление стало преобладать над южным. Инициатива в Днепро-Донской лесостепи и примыкающих к ней районах перешла к татарам. Вероятно, московское правительство пришло к заключению о недостатке сил для активной обороны южного направления. Подобное противоборство с крымцами требовало постоянного присутствия на берегу Оки значительного воинского контингента, независимо от операций на других фронтах⁵⁶. В условиях продолжавшейся Ливонской войны, подобные меры были невозможны. В июле 1562 г. крымский хан Дивлет-Гирей совершил нападение на Мценск и Мценский уезд. Отошедшие от главных сил от-

⁵⁴ Подробнее см.: Там же [Ibid.]. С. 115–121.

⁵⁵ См.: Там же [Ibid.]. С. 127–128.

⁵⁶ См.: Новосельский А.А. Указ. соч. [Novosel'skii A.A. Op. cit.] С. 23.

ряды Дивея-мурзы и Мустафы-аги разорили Болховской и Белевский уезды⁵⁷.

После строительства Донкова (1568 г.) происходит спад активности Российского государства в регионе, по крайней мере, бурного строительства новых городов на южной окраине страны в два последующих десятилетия не наблюдается. Общее построение обороны южных границ меняет свой характер. С 1569 г. размещение полков «на берегу» становится обязательным. Толчком к дальнейшему изменению российской политики на южных границах послужили события 1570 г. В этом году нападение крымского хана на Россию не состоялось, но силы страны пришлось мобилизовывать для отражения возможного нашествия. Полки дворянской конницы возглавил лично Иван IV, прибывший вместе со своим сыном Иваном из Александровской слободы в Серпухов. Вероятно, тогда возникло представление о неудовлетворительном состоянии российской разведки, действовавшей в Днепро-Донской лесостепи на путях подхода татар из Крыма к российским рубежам, а также появилось понимание необходимости реорганизации сторожевой и станичной служб.

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба, организатором которой являлся боярин М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени в Поле выставлялись российские «сторожи», одновременно в степь направлялись «станицы». Пограничная служба складывалась теперь из трех элементов: 1) путивльских и рыльских станиц, ездивших по утвержденным в Москве маршрутам; 2) сторож из окраинных российских городов, стоявших в утвержденных в Москве местах и наблюдавших за путями возможных татарских набегов; 3) общероссийских сторож, располагавшихся на Поле и высылавших по сторонам свои собственные станицы. Одна общероссийская сторожа находилась при впадении р. Балыклеи в Вапу, вторая – на левом берегу Дона, выше устья р. Хопра, третья – на р. Осколе, при устье Убли, а четвертая – на р. Сейме, при устье речки Хона.

С 1573 г. вооруженные силы приграничных российских городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорыва татар к Москве. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. В 1575–1576 гг. было несколько изменено расположение общероссийских сторож. Так, самая западная сторожа с берега р. Сейма была переведена на Северский Донец, на устье р. Уд. Разорение страны в результате неудачной для России Ливонской войны привело к сокращению количества общероссийских сторож на Поле с четырех до двух, в том числе была снята сторожа на С. Донце. Остались сторожи «на Осколе усть Убли» и на Дону, при впадении р. Богатого Затона, в каж-

⁵⁷ Подробнее см.: Загоровский В.П. История вхождения [Zagorovskii V.P. Istoriia vkhozhdeniia]... С. 133–141.

дой из них находилось по 70 чел.⁵⁸ К этому времени относится попытка официального включения Поля в состав России. Воевода М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский обозначили особыми знаками границы Российского государства в южной степи.

С 80-х годов XVI в. развернулось строительство крепостей непосредственно на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом. В 1586 г. были основаны Ливны и Воронеж. Как справедливо отметил В.П. Загоровский, сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечить фиксацию придонской части Поля за Россией. Такая задача стала актуальной в связи с появлением в Днепро-Донской лесостепи черкас.

В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей совершил поход на Москву. Для татар нашествие, в целом, окончилось неудачей, однако оно показало несовершенство российской оборонительной системы на юге страны. Крымцы прошли к Москве, оставив Ливны слева, а Воронеж – справа, за Доном. В итоге, в 1592 г. был построен г. Елец. В 1593 г. возникли города Белгород и Оскол. В двух последних населенных пунктах осенью 1596 г. были построены городовые укрепления, и с этого времени гарнизоны указанных крепостей возглавляли воеводы. Вероятно, подобным образом образовался и г. Валуйки в 1599 г., а наиболее выдвинутой в Поле крепостью стал Царев-Борисов, выстроенный летом 1599 г. при слиянии рек Северского Донца и Оскола. Примечательно, что его основание преследовало цели не только решение задач по борьбе с Крымом, но и изгнание из данного региона черкас⁵⁹.

Россией был накоплен значительный опыт взаимоотношений с Крымским ханством, и это помогало разрешать проблемы, возникавшие в ходе колонизации Польской уkraine. В 1593 г. крымскому хану Казы-Гирею было направлено письмо от царского имени, написанное, вероятно, при непосредственном участии Бориса Годунова. Крыму предлагалась всяческая помощь, вплоть до того, что «...на Донце тотчас и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пришем, и начнем вместе с тобою на твоих недругов стояти за один»⁶⁰. Таким образом дипломатически маскировалось невыгодное для Крымского ханства продвижение России на юг, а в качестве компенсации Казы-Гирею было направлено 10 тыс. рублей⁶¹. После по-

⁵⁸ См.: Загоровский В.П. История вхождения [Zagorovskii V.P. Istoriia vkhozheniia]... С. 156–187; Марголин С.А. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века [Margolin S.L. Oborona Russkogo gosudarstva ot tatarskikh nabegov v kontse XVI veka] // Труды ГИМ [Trudy GIM]. М.; Л., 1948. Вып. 20. С. 3–28.

⁵⁹ Загоровский В.П. История вхождения [Zagorovskii V.P. Istoriia vkhozheniia]... С. 224–226.

⁶⁰ Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. [Lashkov F. Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII vv.]. Симферополь, 1891. № 28. С. 33.

⁶¹ Там же [Ibid.]. С. 32.

стройки городов Крым быстро осознал угрозу своему положению в регионе и предпринял ответные меры. Поскольку уничтожить поставленные крепости крымцы были не в состоянии, они попробовали применить другие средства. В 1601 г. Борису Годунову была послана тайная грамота от Казы-Гирея, в которой он упрекал русского царя за постройку городов на территории своих Донецких улусов. При этом хан угрожал Москве Турцией и предупреждал о том, что дальнейшее продвижение России на юг «шерть и добро порушит»⁶². Попытка припугнуть Россию турецким вторжением была не более, чем дипломатической хитростью, и заселение Поля продолжалось.

Татары постоянно беспокоили российскую окраину, но они вторгались с целью грабежа и в случае отпора обычно обращались в бегство. Тем более, они не пытались осаждать остроги. По крайней мере, во второй половине XVI в., как и в XVII в., не отмечено случаев нападения крымцев на русские крепости с целью их захвата⁶³. К концу XVI в. укрепленные поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям.

У России также имелся большой опыт взаимоотношений с Польшей. Речь Посполитая считала указанную территорию частью Северских земель, отвоеванных у нее Россией. Очевидно, польское правительство никогда не отказывалось от намерения вновь присоединить утраченные районы к Польскому королевству, однако в открытый конфликт с Россией в конце XVI в. по этому поводу не вступало. Южные рубежи Российского государства беспокоили лишь украинские казаки⁶⁴, являвшиеся подданными Речи Посполитой. Именно реакцией на черкасские разбои объясняло российское правительство Казы-Гирею постройку городов на Поле, указывая, что от новых городов крымским улусам нет вреда, а только польза, т.к. «...тут воры черкасы больше не живут»⁶⁵.

Одно из первых упоминаний о черкасах на Поле относится к 1571 г., когда русская сторожа с реки Коломака была переведена на р. Ольшанку, т.к. «на Коломаки приходят черкасы каневские да сторожей

⁶² См.: Соловьев С.М. Сочинения [Solov'ev S.M. Sochineniia]. В 18 кн. М., 1994. Т. 8. С. 396. Шерть – договор, соглашение, закрепленное клятвой на Коране (от арабско-персидского «шэрт»).

⁶³ См.: Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVII вв. [Ishchenko S.A. Voina i voennoe delo u krymskikh tatar XVI–XVIII vv. // Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniakh Vostoka i Zapada v XII–XVII vv.]. Ростов н/Д., 1989. С. 136–145.

⁶⁴ В России их называли «черкасы» по городу Черкасасам, бывшему центром украинского казачества. В дальнейшем наименование «черкасы» распространилось на всех украинцев, а не только на казаков.

⁶⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. [Solov'ev S.M. Op. cit.]. Т. 8. С. 396.

громят»⁶⁶. Помимо актов разбоя, бывших на порубежной территории делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на российских землях. О таких фактах сообщали воеводы Путивля, Рыльска и Новгорода-Северского⁶⁷. Опасность украинской колонизации для России заключалась в том, что расселявшиеся на ее приграничных землях черкасы не приносили присяги московскому царю. Следовательно, они продолжали оставаться подданными Речи Посполитой. Поэтому русское правительство опасалось такого освоения своих земель черкасами. Ведь закрепившись на них, переселенцы создали бы условия для присоединения этой территории к Речи Посполитой. В конце XVI в. действия черкас заметно активизировались. Объясняется это тем, что после передачи приднепровских и волынских земель Великого княжества Литовского в состав Польского королевства усилилось феодальное и конфессиональное угнетение украинского населения. Территория Поля являлась в то время фактически ничейной, сюда и направились украинцы из Польши.

Есть и другая точка зрения. Г.Н. Анпилов связывал появление черкас в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой»⁶⁸. Это мнение основывается на информации, содержащейся в статейном списке посольства Павла Волкова и Мартина Сумского, которое было направлено в Варшаву. Точно такой же текст содержится в материалах посольства Афанасия Резанова⁶⁹. Особое внимание следует обратить на черкас, приходивших для хозяйственных промыслов. Они прибывали в район, осваивавшийся российскими подданными. Это служило причиной столкновений. В фондах Разрядного приказа не сохранилось документов 80–90-х годов XVI в., которые могли бы подтвердить достоверность вышеизложенного мнения. Вероятно, эти документы погибли во время московского пожара 1626 г. или были утрачены позднее. Поэтому трудно точно определить роль польского государства, державцев и шляхты в организации черкасского движения на российские украинны. Д.И. Багалей предполагал, что украинные старосты могли действовать независимо от варшавского правительства⁷⁰. Более уверенно можно говорить о стихийных акциях черкас, которым польская администрация не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы давнего противника Речи Посполитой. Кроме того, сами польские власти никогда полностью не контролировали черкас.

Таким образом, в 80-х годах XVI в. на Поле столкнулись подданные враждебных друг другу государств. Столкновения происходили не только в приграничном районе, черкасы проникали весьма глубоко. О

⁶⁶ Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук [Akty Moskowskogo gosudarstva, izdанные imperatorskoju Akademiei nauk]. СПб., 1889. Т. I. С. 13.

⁶⁷ Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. [Anpilov G.N. Novye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII vv.]. М., 1967. С. 74.

⁶⁸ Там же [Ibid.]. С. 19.

⁶⁹ См.: Там же [Ibid.]. С. 74 и С. 85.

⁷⁰ Багалей Д.И. К истории [Bagalei D.I. K istorii]... С. 89.

масштабах этого проникновения можно судить, например, по приводимому в разрядных книгах донесению головы Романа Вердевского. 31 июля 1585 г. он сообщал с Дона о разгроме черкасами его сторожи, стоявшей на Богатом Затоне⁷¹. В другой раз черкасы под командованием Дениса Семпского «...приходили войною в государеву землю, во Брянский уезд на государевы дворцовые села...»⁷². Черкасские и каневские черкасы приходили под Новосиль, громили и били станичников⁷³. В 1586 г. переяславские черкасы появились в районе только что построенных Ливен и Воронежа. Они нападали на станицы и жителей уездов⁷⁴. В 1587 г. воевода Андрей Иванович Хворостинин сообщил о приходе на путивальские деревни 40 каневских черкас, которые были разгромлены и пленены. Воевода доносил: «...а которые ни ездили станичные головы в проезжие станицы для крымских людей по Донцу во все лето, тех всех громили и грабили и многих и на Поле не пропускают, да и по всем украинным городом в Сиверских городех государевым людям задоры чинят»⁷⁵.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Днепро-Донская лесостепь во второй половине XVI в. стала зоной ожесточенной конкуренции между Российским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. Крымский хан считал Поле своей территорией, которую можно использовать не только как место летних кочевий, но и как своеобразную буферную зону. Наличие последней ставило Крым в преимущественное положение по отношению к своим северным соседям. Россия, оценив эту ситуацию, во второй половине XVI в. приступила к колонизации Поля. Одновременно в этом регионе появились подданные Речи Посполитой — украинские казаки-черкасы. Украинская колонизация была стихийным процессом, стимулировавшимся польскими землевладельцами, а не государством. Русская колонизация в рассматриваемое время была преимущественно правительственной. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Поэтому в столкновении двух колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне русского, имевшего государственную поддержку. Однако полностью вытеснить украинцев с территории Поля российские власти не смогли. Результатом стал своеобразный компромисс: черкасам разрешали селиться на территории, которая считалась российской, при условии принятия ими московского подданства. В итоге, Российское государство смогло оттеснить конкурентов и закрепить за собой Днепро-Донскую лесостепь.

⁷¹ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. [Razriadnaia kniga 1475–1605 gg.]. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 65.

⁷² Анипагогов Г.Н. Указ. соч. [Anpilogov G.N. Op. cit.]. С. 80.

⁷³ См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА) [Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)]. Ф.79. Оп.1. Кн. 20. Л. 194 об.–195.

⁷⁴ См.: Там же [Ibid.]. Кн. 17. Л. 11-11об.

⁷⁵ Там же [Ibid.]. Кн. 18. Л. 457-458.